

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 20**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 20 / Нет автора – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 408 с.

ISBN 978-5-458-04670-1

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04670-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Замѣтка редакціи.

Въ настоящемъ году журналъ нашъ повидимому упрочился: подписка вполнѣ окупила годовое изданіе и показала, что въ Россіи возможенъ философскій періодическій органъ безъ всякой внѣшней поддержки. Съ января журналъ переходитъ въ полную собственность и завѣдованіе Психологическаго Общества, а редакція его раздѣляется нынѣ между двумя лицами, принадлежащими къ профессорскому персоналу Московскаго университета, такъ какъ одному редактору, какъ показалъ опытъ, при значительномъ расширеніи задачи, трудно съ нею справиться, не пожертвовавъ для нея всѣмъ своимъ временемъ.

Много трудовъ было потрачено для полученія достигнутыхъ результатовъ; безъ сомнѣнія, впереди предстоитъ еще много работы для дальнѣйшаго усовершенствованія изданія. Редакція, однако, не перестаетъ надѣяться, что употребленныя ею усилія не пропадутъ даромъ, что дѣло *въ общемъ* велось правильно, въ духѣ *запросовъ и насущныхъ умственныхъ потребностей* образованнаго русскаго общества. и что такъ оно будетъ вестись и впредь.

Незначительныя измѣненія въ условіяхъ подписки вызваны практическими удобствами и едва ли могутъ

смутить любителей отечественной философіи. Программа и направленіе журнала останутся прежними: прошлое доказало возможность осуществленія — и пользу — того принципа полной свободы убѣжденій и приѣмовъ анализа философскихъ вопросовъ, который съ самаго начала былъ поставленъ редакціею въ основаніе новаго литературнаго предпріятія.

Четырехлѣтнее существованіе журнала привлекло на поприще научно-литературной разработки философскихъ задачъ много новыхъ силъ. Редакція можетъ пожалѣть только о томъ, что не имѣетъ мѣста для помѣщенія всѣхъ интересныхъ рукописей, которыя доставляются ей для напечатанія въ журналѣ. Этому препятствуютъ не только размѣры его, но и невозможность для руководителей дѣла обработать своевременно весь присылаемый въ редакцію матеріалъ. Во всякомъ случаѣ, отрадно знать, что философская мысль у насъ пробудилась, не только въ большихъ городахъ, но и въ глухой провинціи, что работа ея расширяется и крѣпнетъ, — такъ что жатва обѣщаетъ въ будущемъ не только обильный, но и вполне зрѣлый плодъ.

Думаемъ, что мы не ошиблись въ оцѣнкѣ дѣйствительныхъ обстоятельствъ дѣла, и что продолжительная борьба съ его новизною и неустановленностью вскорѣ окончательно минетъ. Во всякомъ важномъ и принципиальномъ дѣлѣ нужны терпѣніе и выдержка: тѣмъ болѣе они необходимы, когда идетъ рѣчь объ упроченіи новой отрасли отечественной литературы, да еще столь важной, какъ литература философская. И въ этомъ терпѣніи и выдержкѣ писатели и читатели должны идти рука объ руку и доказать свою полную солидарность.

Какъ органъ всего Психологическаго Общества, до сихъ поръ работавшаго энергично и дружно — и охотно

включающаго въ составъ свой всѣхъ представителей русской философской науки, желающихъ примкнуть къ его дѣятельности,—журналъ, мы надѣмся, будетъ въ состояніи болѣе прежняго служить выраженіемъ дѣйствительнаго уровня развитія философіи въ Россіи. Пожелаемъ отъ души, чтобы этотъ уровень повышался, и чтобы молодыя силы вносили въ наше дѣло все больше и больше—жизни, знанія и творческой энергіи, а также *любви къ родной литературѣ, къ родному слову*—къ изящному, простому и ясному философскому изложенію.

Въ заключеніе не можемъ не выразить отъ имени многихъ русскихъ философовъ глубокую признательность первому издателю нашего философскаго журнала, Алексѣю Алексѣвичу Абрикосову, за ту безкорыстную поддержку, которую онъ оказывалъ намъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, и за то щедрое пожертвованіе, которое онъ сдѣлалъ Московскому Психологическому Обществу, передавъ ему журналъ въ первый же годъ несомнѣннаго успѣха изданія и отказавшись отъ возмѣщенія понесенныхъ имъ въ первые три года убытковъ.

Н. Я. Гротъ.

Искусство и нравственность.

(Глава изъ эстетики).

Вопросъ объ отношеніи искусства къ нравственности давно занималъ вниманіе автора *), тѣмъ болѣе что по поводу его довольно долго велись и еще донинѣ ведутся жаркіе споры въ нашей русской критикѣ. Оживленіе этихъ споровъ и появленіе въ послѣднее время статей по теоріи искусства указываютъ, повидимому, вообще на существованіе въ нашемъ обществѣ постоянного интереса къ вопросамъ эстетики,—столь сильнаго, что они получаютъ практическое значеніе и даже привлекаютъ къ себѣ вниманіе юристовъ. Такъ, напримѣръ, можно указать на дебаты, происходившіе въ концѣ прошлаго года въ Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ по поводу доклада г. Сліозберга «о преступленіяхъ печати», на который возражалъ, между прочимъ, А. Ф. Кони. Послѣдній довольно подробно коснулся вопроса о связи между нравственностью и искусствомъ (въ данномъ случаѣ поэзіей) и пытался опредѣлить тѣ обстоятельства, при наличности коихъ художественное творчество получаетъ характеръ наказуемаго дѣянія.

*) Внѣшнимъ поводомъ къ изложенію моихъ мнѣній по данному вопросу послужило предложеніе прочитать съ благотворительною цѣлью публичную лекцію, для которой я и избралъ эту тему; въ лекціи я высказалъ нѣкоторыя изъ изложенныхъ здѣсь мыслей. Уже послѣ написанія этой статьи мнѣ случилось ознакомиться съ обстоятельною статьею *г. Боборыкина* „Красота, жизнь и творчество“ (Вопросы филос. и психол., кн. 16 и 17), гдѣ при всемъ несходствѣ нашихъ философскихъ точекъ отправленія я нашелъ нѣсколько симпатичныхъ мнѣ мыслей, которыя и не преминулъ отмѣтить въ примѣчаніяхъ.

Впрочемъ, искусство вообще, въ силу своего громаднаго значенія въ духовной жизни личности и общества, не можетъ не интересоватъ всякаго культурнаго человѣка; поэтому, когда говорятъ, что такой-то (имя рекъ) совершенно не понимаетъ искусства, относится къ нему безучастно, или даже отрицательно, то подобныя утвержденія можно принимать только *cum grano salis*. Человѣка, нечувствительнаго ни къ одному искусству, найти довольно трудно. Можно не понимать одной отрасли искусства,—музыки, на примѣръ, но восхищаться скульптурой,—быть холоднымъ къ живописи и увлекаться поэзіей и т. д. Словомъ, усматриваются только количественныя и качественные различія пониманія искусства. Отрицаютъ или извѣстное направленіе, на прим. натурализмъ, извѣстную эпоху, извѣстную школу въ данномъ родѣ искусства, или цѣлый родъ, но никогда или чрезвычайно рѣдко все и всяческое искусство. Эстетическія требованія присущи человѣческому духу на всѣхъ ступеняхъ его проявленія, искусство живетъ въ сердцѣ всякаго человѣческаго существа. „Искусство,—говоритъ Достоевскій *)—есть такая же потребность для человѣка, какъ ѣсть и пить. Потребность красоты и творчества, воплощающаго ее, неразлучна съ человѣкомъ, и безъ нея человѣкъ, можетъ-быть, не захотѣлъ бы и жить на свѣтѣ“.

Возвращаясь къ спору о тенденціи въ искусствѣ, нельзя не замѣтить, что онъ вращался въ довольно узкихъ и произвольно поставленныхъ рамкахъ. Защитники „тенденціи“ находили, что время искусства, какъ культа и воплощенія красоты, прошло, ратовали противъ чистаго искусства, противъ техники и заботъ о совершенствѣ художественной формы. Подобно средневѣковымъ теологамъ, для которыхъ *philosophia* была только „*ancilla theologiae*“, они отрицали самостоятельность искусства и приписывали ему лишь подчиненную, служебную роль. Искусство низводилось до значенія простаго органа нравственности (конечно, *sui ge-*

*) Стр. 39 тома V (шести-томнаго изд.).

peris). Художникъ за основаніе своего произведенія долженъ былъ брать какую-нибудь общепользную идею и иллюстрировать ее своимъ произведеніемъ; словомъ, идеаль искусства по этому воззрѣнію представлялся чѣмъ-то вродѣ аполога или басни съ казенною моралью; и насладившіеся художественными произведеніями этого рода должны были немедленно превращаться, подъ ихъ вліяніемъ, въ наилучшихъ людей, одушевленныхъ благороднѣйшими стремленіями—проводить свои „честныя идеи“ въ общественную жизнь. Это воззрѣніе грѣшило противъ истины, какъ увидимъ ниже, непониманіемъ творческаго процесса, который исходною своею точкой имѣетъ не отвлеченную идею или мысль, а образъ; съ другой стороны, грѣшило оно также и преувеличеніемъ силы дѣйствія произведенія искусства на воспринимающаго его, ибо искусство подвигаетъ на дѣйствія лишь посредственно и окольнымъ путемъ, такъ что, наприм., романы Тэккерей *) огнюдь не обладаютъ чудодѣйственною силою прямо преобразовать злыхъ въ добрыхъ.

Въ свою очередь защитники „искусства для искусства“ силились во что бы то ни стало доказать также нравственность его, и для этой цѣли пускались въ длинныя и туманныя разсужденія о какой-то чудодѣйственной облагораживающей силѣ чистой красоты на злыхъ людей, причемъ ихъ противники неизбежно побивали ихъ примѣрами вродѣ „художника“ Нерона и указаніями на совпаденія эпохъ расцвѣта изящныхъ искусствъ съ эпохами разврата и безнравственности. Вообще не мало наивности заключалось въ утвержденіяхъ приверженцевъ и той и другой партіи. Первою поправкой должно было явиться признаніе самостоятельнаго значенія искусства. „Вы какъ будто думаете,—замѣчаетъ Достоевскій въ полемикѣ съ Добролюбовымъ **),—что искусство не имѣетъ са-

*) Имѣю въ виду извѣстный пассажъ въ повѣсти А. Михайлова „Засоренныя дороги“, стр. 26—27. (Соч., т. III).

**) Тамъ же.

мо по себѣ никакой нормы, никакихъ законовъ, что имъ можно помыкать по произволу, что вдохновеніе у всякаго въ карманѣ по первому востребованію, что оно можетъ пойти по такой дорогѣ, по которой вы захотите. А мы вѣримъ, что у искусства собственная, цѣльная, органическая жизнь, и, слѣдовательно, есть основные и неизмѣнные законы для этой жизни“.

Очевидно, что для болѣе безпристрастнаго рѣшенія вопроса надо поставить его на другую почву. Для простоты изслѣдованія выдѣлимъ всѣ несущественные элементы и не будемъ разсматривать искусство, какъ боевое средство въ рукахъ той или другой общественной партіи, ибо таковое примѣненіе искусства случайно и не существенно; не будемъ касаться также и общественно-воспитательнаго значенія искусства — будемъ говорить о свободномъ искусствѣ, слушаемъ самому себѣ цѣлью безотносительно къ его примѣненіямъ; будемъ разсматривать отношеніе искусства къ нравственности въ ихъ свободной связи, а не въ насильственномъ бракѣ. Для этого надо оставаться въ области духа и поставить изучаемый вопросъ на чисто-психологическую почву, понять его, какъ психологическую проблему. Надо изучить творчество, какъ душевный процессъ*), т.-е. представить въ общихъ чертахъ „поэтику“ (по терминологіи Аристотеля), или ученіе о творческой дѣятельности духа. Съ другой стороны, надо изучить и ощущенія, вызываемыя произведеніями искусства въ насъ, т.-е. намѣтить „эстетику“ въ собственномъ смыслѣ.

Обратимся же къ разсмотрѣнію психическихъ условій искусства и нравственности и посмотримъ, въ чемъ они между собою сходны и чѣмъ различаются, оставляя впрочемъ въ сторонѣ чувствованія, которыми таковыя дѣятельности могутъ сопровождаться, ибо чувствованія являются случайнымъ элементомъ и не имѣютъ существеннаго значенія при изученіи, такъ

*) Ср. Боборыкинъ (кн. XVII, стр. 62): „Безъ опредѣленія психологіи творчества нельзя обосновать эстетику...“

сказать, психического механизма указанных дѣятельностей. Искусство и нравственность суть дѣятельности или функціи единичнаго духа, или личности, т.-е. бываютъ лишь, какъ акциденціи или проявленія, въ субъектѣ, и безъ такового, какъ носителя своего, являться не могутъ *). Душа, какъ субстанція, или субстанціальное бытіе, обладаетъ функціями или дѣятельностями, т. е. такъ называемымъ реальнымъ или функціональнымъ бытіемъ. Такихъ дѣятельностей можно различить три рода: дѣятельность мыслительная, познающая, дѣятельность чувства—воли, и дѣятельность двигательная. Движеніе можетъ быть направлено отъ субъекта къ внѣшнему міру, или отъ внѣшняго міра вовнутрь **), какъ въ ощущеніи,—или же можетъ происходить и во внутреннемъ мірѣ субъекта, въ сферѣ ощущеній, чувствованій, актовъ воли, мыслей и представленій. Искусство и нравственность причастны внѣшнему движенію, ибо искусство творитъ тѣ или другія произведенія (вещи), а нравственность выражается въ поступкахъ, слѣдовательно оба состоятъ въ томъ или другомъ воздѣйствіи субъекта на внѣшній міръ. Вотъ общая черта между ними, или ихъ общее психическое мѣсто.

Нравственность относится къ сферѣ воли—чувства. Какую волю называемъ мы нравственной? „Чувства пріятнаго или непріятнаго, страданія или удовольствія сопровождаютъ всѣ наши дѣятельности, ибо они выражаютъ координацію, соотношеніе всякой единичной функціи къ состоянію и къ организаціи всей души“ ***). Нужно замѣтить, что какая-либо одна душевная дѣятельность не можетъ возникать изолированно отъ прочихъ родовъ дѣятельности, но непременно въ связи съ ними, ибо одна дѣятельность не можетъ выразить собою всего содержанія субстанціи, нашего „я“. Различные предметы внѣшняго міра, приходя съ нами въ со-

*) За дальнѣйшими подробностями психологическихъ основъ изслѣдованія позволю себѣ огослать къ Teichmüller'y: Neue Grundlegung der Psychologie und Logik, равно какъ къ его же Religionsphilosophie. S. 26—66.

**) Выраженія эти метафорическія.

***) Teichmüller. Das Wesen der Liebe, стр. 170.

прикосновеніе, производятъ въ насъ различныя ощущенія, одни изъ коихъ сопровождаются чувствомъ удовольствія, другія же—страданія. Съ этими предметами, пробуждающими въ насъ тѣ или другія ощущенія и чувствованія, связываются и представленія блага (bonum), добра, или зла. Одни душевныя состоянія, вызванныя даннымъ родомъ предметовъ, или возникшія въ качествѣ послѣдняго члена ряда предшествующихъ психическихъ явленій и безъ воздѣйствія извнѣ, координируются съ чувствомъ пріятнаго и повтореніе ихъ желательно. Къ такимъ состояніямъ душа стремится, какъ къ благу или добру. Иныя же состоянія координировались съ чувствомъ страданія; не только повтореніе ихъ не желательно, но душа стремится избавиться и отъ настоящаго состоянія, какъ отъ зла.

Сообразно съ неисчислимымъ множествомъ предметовъ внѣшняго міра, съ одной стороны, и возможныхъ комбинацій психическихъ состояній, съ другой, система благъ можетъ заключать въ себѣ крайнее разнообразіе и блага уже безсознательно классифицируются субъектомъ. Даже на низшихъ ступеняхъ душевнаго развитія человѣкъ имѣетъ іерархію благъ, т. е. одни блага предпочитаетъ другимъ. Главное и рѣшающее значеніе пріобрѣтаетъ при этомъ степень развитія мыслительной или теоретической способности души, степень разработанности и широты міровоззрѣнія субъекта. Чѣмъ уже сфера его знаній о мірѣ и законахъ его, чѣмъ больше группируетъ человѣкъ въ своемъ умѣ вселенную вокругъ себя, своего я,—тѣмъ большее значеніе для него будутъ имѣть въ его сознаніи личныя потребности, тѣмъ болѣе онъ будетъ работать на удовлетвореніе самого себя. Такой образъ мыслей и душевный строй (*Gesinnung*) мы называемъ *эгоистическимъ*, и притомъ въ нравственномъ отношеніи — *безразличнымъ*, поскольку дѣло идетъ о законномъ удовлетвореніи нормальныхъ потребностей субъекта, или же *безнравственнымъ*, если субъектъ переступаетъ эти нормы. Такое міровоззрѣніе вообще можно назвать *перспективнымъ*, ибо міръ разсматривается субъектомъ лишь по